

© 1993 г.

ЦЕННОСТИ ЛИБЕРАЛИЗМА — НА РОССИЙСКУЮ ПОЧВУ?

С председателем Либерально-демократической партии России (ЛДПР) В.В. Жириновским беседует внештатный корреспондент журнала «Социологические исследования» Ю.А. Ковалев.

Ю.А. Ковалев: Владимир Вольфович, наша беседа — это продолжение традиции журнала. Редакция считает своим долгом знакомить читателей с нынешними российскими политическими лидерами. «Социс» печатал статьи А.И. Вольского, Р.И. Хасбулатова. Наш очередной гость — Вы. Прошу для начала разговора объяснить свой успех — 3 место на президентских выборах 1991 года. Может быть, здесь сыграл роль избранный Вами не совсем обычный имидж?

В.В. Жириновский: Думаю, взаимодействовали несколько факторов. Во-первых, новый свежий человек, которого никто не знал. Во-вторых, образование... До этого все имели узкое техническое образование, а здесь два гуманитарных — два факультета Московского государственного университета: Институт Азии и Африки и юридический факультет. Но самое главное, я думаю, это смелая позиция, открытое общение с аудиторией. Многие мне говорили, что вот Вы сказали то, о чем мы думали многие годы, но не могли сформулировать или боялись сказать. Потом я единственный из шести, который не был в КПСС. Люди хотели увидеть человека, не связанного с прежним режимом. Ну, и концепция. Определенная концепция чувствовалась в программе, а не общие рассуждения типа «Давайте жить по-другому!» Конкретные концептуальные вещи были высказаны. А главное — поднят русский вопрос. До этого везде говорили только о Прибалтике, позже о Закавказье и Средней Азии. Русского же вопроса как будто и не существовало. Как все знают, последние события подтвердили значимость этого вопроса и важность лозунга «Защищать русских на всей территории!» Еще, может быть, возраст сыграл свою роль: наверно, я был самый молодой из кандидатов, что импонировало молодежи.

Ю.К.: Известно, что есть политические партии, ориентирующиеся на какой-то один, во всяком случае, главный социальный слой, группу — на рабочих, на крестьянство и т.д. Какова социальная база Либерально-демократической партии России? Было бы интересно также узнать ее нынешнюю численность.

В.Ж.: Нас поддерживает не один какой-то слой, группа населения страны. В ЛДПР есть и рабочие, и руководители предприятий, и фермеры. Можно встретить студента и академика, солдата и генерала. Любые слои представлены. Конечно, имеется в виду, что это партия людей в общем-то образованных. Мы — не марксистская партия, не рабочая, не партия узкой какой-то классовой направленности. У нас классовый подход отсутствует. Вообще либеральные партии за рубежом — это партии служащих, интеллигенции, но туда входят представители и других социальных групп. И по поводу второй части вопроса: сейчас по всей стране у нас числится около 100 тыс. человек.

Ю.К.: Теперь — непосредственно о проблеме либерализма на российской почве. Начнем с экономики. Что такое — принципы либерализма в экономике? Как воплотить их у нас?

В.Ж.: Принципы либерализма в экономике... Главное — поменьше участия государства в делах экономики! Но у нас, к сожалению, сейчас это реализовать невозможно. Попытка все полностью либерализовать привела к краху... Только тогда, когда имеется уже, так сказать, наработанная экономика, участие государства может быть сведено к минимуму, чтобы не мешать, не тормозить и заставлять всех производителей думать самих о своем будущем и самим выискивать наиболее выгодную формулу. Но здесь нужны и высокий культурный уровень населения, и сильная правовая база, нужно, чтобы люди уже научились понимать, что лучше торговать, производить, заниматься экономикой честно. Но если рвачество процветает, а мошенничество торжествует, невозможно осуществить принципы либеральной экономики, как и либерального понимания прав человека. Права человека — для всех, но в Грузии они для кого? Для грузин, но не для осетин или абхазцев. В Эстонии — для эстонцев, но не для русских. И так везде. Поэтому эти принципы хороши для Франции, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Финляндии и т.д. У нас пока они малоприменяемы. Сейчас все еще нужна регулируемая экономика. Надо было постепенно менять командно-административную, плановую экономику и добавлять в нее элементы рыночные. А мы решили ее поломать, но и рыночную не создаем, не даем возможности. Поэтому одно разрушили, другое придушили. А надо было слегка реформировать госсектор, а уж частному сектору создать необходимые условия для нормального функционирования. Поэтому наш принцип остается: смешанная экономика, но на первом этапе она должна быть регулируемая. И цены, и налоги. Скажем, за рубежом налоги уже в пользу потребителей. А нам пока нужны налоги в пользу производителей, потому что у нас еще нет достаточного количества товаров. Поэтому сегодня о потребителе не приходится думать. Когда количественно спрос будет удовлетворен, тогда можно перейти к качественному, тогда и налоги уже заставят производить лучшие товары. Словом, сейчас принцип либерализма невозможно применить в наших условиях. Позже.

Ю.К.: Теперь — о ценностях либерализма в духовной сфере. Сформулируйте, пожалуйста, свою позицию.

В.Ж.: В духовной сфере... Ну, допустим, религиозные партии делают ставку на религию. Христианские партии — на ценности христианской религии и морали, исламские — на ценности ислама. Там все четко и в какой-то мере жестко. В системе же либерализма «стержнем» выступает достаточно высокий уровень культуры населения. Конечно, здесь может играть какую-то роль и религия. Это, однако, не главное, поскольку либеральные партии — это партии светского характера, им вообще свойственно отсутствие идеологического «каркаса», следование какому-то «классику». Человеческая авторегуляция, собственное нравственное суждение — вот что значимо! Тем самым реализуется принцип свободы выбора личности. Человек может исповедовать любую религию, следовать любой идеологии, но его культурный уровень должен быть достаточно высок. Его культура и не даст ему встать на путь преступления, заставит его признать, что либеральное понимание прав человека — это обязательно права каждому, свобода каждому! Человек должен понимать: мы граждане, свободные в собственном выборе. При этом национальность, пол, вероисповедание, социальный статус и проч. не имеют никакого значения. Все — только граждане! Граждане России. А затем, в будущем нужно переходить к европейскому мышлению, к мышлению планетарному: граждане планеты, граждане Земли! Подчеркну здесь, что религиозное воспитание имеет с этой точки зрения, какие-то отрицательные моменты. Ведь с позиции ортодоксального ислама, например, христианин — «неверный», его можно даже убить, это не будет считаться большим грехом. Поэтому плохо, опасно, когда духовность, нравственность людей зиждуются на фанатизме — на системе догм, которые невозможно отвергнуть... Возьмите Индию: постоянные межрелигиозные столкновения, с огромным числом трупов. Потому что индуисты хотят, чтобы индуизм господствовал, а исламисты — ислам. Вот почему главное в либеральной системе ценностей, как я уже говорил, терпимость и

плюрализм: и в отношении вероисповедания, и в том, что касается национальности человека, его социальных признаков, гражданства. Единственно, с чем приходится «мириться» — это с гражданством. Мы — граждане России, а вы — граждане Германии. Но, я думаю, что те и другие хотят быть гражданами цивилизованной, высокоразвитой, культурной страны.

Ю.К.: Думаю, именно сейчас пришел черед обсудить вопрос о специфике русской души — вопрос, над которым бились русские мыслители. В последнее время поднимает этот вопрос и наш журнал. Давайте обсудим следующее часто встречающееся утверждение: без некоей достаточно жестко внедряемой в сознание россиян системы «государственных» идей или без «твердой руки» русская нация обречена на деградацию. Ваше отношение к этой позиции?

В.Ж.: Ну здесь можно найти какие-то оправдывающие моменты, есть определенные геополитические факторы для развития русской души и русского характера. Россия расположена в конце европейского континента, в плохой климатической зоне, с плохим окружением соседей. Она воюет беспрестанно уже 700 лет. И 300 лет татаро-монгольского ига до сих пор сказываются. Разобщенность русских была споро-монгольскому ига не только издержками системы княжеского престолонаследия, но и постоянными набегами степняков-кочевников. Усобица была не только выгодна князьям, но и соблазнительна удельным княжествам, жившим в расчете на возможную легкую военную добычу. Выгодно это было и кочевникам, приходившим на Русь за данью и опустошавшим ее набегами. Именно здесь корни взаимной вражды россиян и вечная война. Вечная война, потому что больше всего воевали русские. Только с Турцией 30 войн. И со всеми остальными десятки, сотни. И сегодня воюет Россия. Поэтому важной особенностью национального характера русских, по сравнению, например, с жителями Западной Европы, и является наличие того самого «звериного начала», о котором писали многие отечественные мыслители прошлого. И которое — для своего «усмирения» — нуждается в сильной государственной власти. Вот поэтому в нашей программе заложен фактор силы или упор на силу, на внешнюю. Армию иметь сильную, но чтобы она не использовалась внутри для подавления инакомыслящих. И за рубежом чтобы никто не мешал России. России нужны морские берега. Северный океан — вечная мерзлота. Чтобы Россия спустилась к югу. Без этого она гибнет. Ведь правы были русские цари, постоянно, постепенно спускаясь к югу: Азов, Черное море, Каспийское, оставалось немножко до Средиземного моря и Индийского океана. Даже «эпоха» коммунистов — оставался один переход до Индийского океана. Это правильная тенденция, потому что там снимают три урожая в год, мы не можем — один. Если один соберем, сохранить не можем, перевезти не можем. В тяжелейших условиях живет нация. Постоянная война — это отразилось на характере, на духовности. Поэтому к нам легче проникли идеи коммунизма, этой уравниловки и ожидания скорейшего счастья для всех. Поэтому у нас и формы капитализма сегодня примитивные, бандитские, разбойные, т.к. опять хотим быстрее, не хотим ждать. Русские устали ждать. Они вечно ждали милости от царя, от погоды, от того, что успокоятся татары. Ведь все шло на Русь: поляки, литовцы, шведы — перли и перли со всех сторон. Ну, отовсюду — с юга, с севера, с запада. Измученная страна, самая измученная в мире страна. Нет более измученного края. Сегодня наибольшая опасность — мусульманская — опять для России. Опять Европа «пождет». У нее внизу море Средиземное, Атлантический океан на западе, наверху Балтика. Опять тишина. И до России несколько коридоров: и польский, и венгерский, и теперь прибалтийский, украинский и так далее. А у нас враг всегда ближе. И опять он близко к Москве. Это судьба России, горькая судьба. Поэтому здесь нужны особые условия. Наверное, так же, как для определенного вида животных. Им нужны или скалы, или тайга, или степь. Иначе в другом климате они просто гибнут. Так и русские. Они как нация могут развиваться в особом «политическом климате», при сильной власти. Можно даже сказать — в условиях авторитарной власти. Но — это от слова «авторитет». После же 50—100 лет нормального развития, когда кругом будут

морские берега и не будет потенциальных врагов, а нации больше не придется воевать — эта нация обретет нормальную форму.

Ю.К.: Мне кажется, сюда примыкает и проблема исторического призвания России. Помните, у Бердяева: «Не может быть такого, чтобы человек, всю жизнь чувствующий свое великое призвание, не был на самом деле призванным. Невозможно это и в жизни целого народа». Между тем еще, по меньшей мере, со времен Чаадаева, многих и многих россиян не покидает ощущение, что именно Россия призвана ответить на важнейшие вопросы, поставленные человечеством. Ваше мнение об этом?

В.Ж.: Ну, в общем-то, действительно, Россия раз в 100 лет совершала подвиг.

Она шла помочь освободиться от империй, от варваров, от набегов, от беспорядков и в Западную Европу, и в южную Европу, и в Малую Азию, и в другие регионы. И вот сегодня тоже, несмотря на те разрушения, которые мы понесли, опять историческая миссия России, русских восстановить баланс в мире, потому что мир стал однополюсной, а это аномально. Нужно несколько центров мирового «притяжения». Вот только два года прошло с начала российских реформ, казалось, все разбегаются — но уже пошла тенденция центристская. Уже таджики просят помочь. Грузины уже пишут письма в Москву: «Спасите». И армяне, и абхазцы, с Приднестровья и с Прибалтики — вот уже пошла эта центристская тенденция: опять к России, опять к Москве. Опять понимают, что здесь решаются многие вопросы и беспокоятся: в Азербайджане президент — как там в Москве дела могут отразиться на Азербайджане. Потому что мы «повязаны» этой огромной территорией, границами. И, конечно, историческая миссия лежит из-за этого на России, как на наиболее крупной стране с наибольшей территорией, с наибольшим количеством сырья, с наиболее боеспособной армией. Вот преимущество России, которое необходимо для правильной внешней политики, для правильных сношений между государствами. Но это есть только у России. Азербайджанская армия не может быть таким фактором. Литовская армия не может быть таким фактором. Ни одна армия. Только русская армия может сыграть свою роль и иметь значение для развития отношений международного плана и региональных, это нарабатано столетиями в России. И здесь как бы переплетаются позитивные и негативные, «трудные» страницы отечественной истории, о которых я только что говорил: набеги шведов, литовцев, поляков, Немцев, французов, татаро-монгольское нашествие — но это же закалило россиян, подготовило их к великим делам. Дела, которые можно было «возложить» только на Россию! Вот она в космос сделала рывок первой, позвала всех за собой, всех мобилизовала. Никогда бы Германия такого не смогла сделать. Японии с ее высочайшей технологией невозможно было это осуществить. Нужны были для этого только российские условия: ее колоссальный экономический потенциал, промышленность, ресурсы, выдающиеся научные и технические кадры — и духовность русская. Это невозможно сделать маленькой Голландии. Там будут самое лучшее пиво, лучший сыр, лучшие колготки, тишина, асфальт будет вымыт самым лучшим раствором соды, не будет ни пылинки, но в космос они не выйдут, варваров они не победят, эпидемию не остановят. Тюльпаны могут быть там. Все. Вот это миссия России — совершить великий подвиг. Это остается за Россией. Поэтому и душа русская — тоскующая, потому что этот подвиг нужно совершать раз в 50 лет, максимум раз в 100 лет. А остальные 49 лет народ в ожидании, нация — ждет. Беременная женщина ждет ребенка, но девять месяцев она должна просто жить. Потом ребенок родится — и женщина получает радость материнства. Так и для России: ждать, страдать, готовиться — и однажды совершить подвиг. Вот, к примеру, Октябрьская революция. Я не говорю сейчас о всем том негативном, что с ней связано. Но это был подвиг. Посмотрите, нация свергла целый класс, уничтожила всю верхушку господствующую, опрокинула все — и создала абсолютно новую модель государства! Случайно ли, что это выпало сделать именно России?.. Немцев кто остановил? Ведь вся Европа была на коленях, всех завоевала Германия.

Остановили только россияне. Опять скажу о броске в космос: только Россия могла быть первой. И сейчас, когда на территории бывшего СССР да и в мире в целом такой разброд, кризис экономический, политический, идейный, национальный, религиозный — Россия, возможно, снова единственная страна, которая сможет, аккумулировав все свои силы, подняться, как колосс, и в конце XX столетия снова совершить нечто необычайное по масштабам для всего человечества. Возьмите 1917 год — это невиданная прежде революция; 1941 год — отражение невиданной в истории военной агрессии. И допустим, 1999 год — когда удастся решительно остановить экономический хаос, который грозил бы третьей мировой войной. Это предстоит именно России. Поэтому есть основание говорить о роли, о миссии России.

Ю.К.: Известно, что в системе либерализма отвергается принцип насилия. Как же в этом случае быть с неизбежным насилием при продвижении в практику тех или иных новых идей или решений. Например, в нашем случае, в случае с Россией?

В.Ж.: Да, либерализм исключает возможность насилия. Система либерализма предполагает действия властей в рамках конституции, имеющегося законодательства. Все — только через переговоры, дискуссии, обсуждения. Подчеркну, что либеральные партии никогда не начинали войну. Никогда. Кстати, после прихода к власти Гитлера либеральная партия Германии была разогнана, а ее члены, по крайней мере, значительное их число — арестованы. Гитлер понимал, что эта партия никогда не будет поддерживать его. Европейские либеральные партии всегда держались в стороне от любого применения насилия. Дело в том, что, как видно из только что сказанного мной, партии либерального типа в состоянии успешно функционировать, находясь у власти, только в условиях, так сказать, нормальной экономики, когда требуется только шлифовка ранее созданного — но не создание вновь инфраструктуры хозяйства в целом либо каких-то его секторов, например, частного. Либеральная партия — это, как легкая чистка и утюжка готовой одежды. Не пошив. Вот, скажем, коммунисты, рабочие партии вообще — это пошив. Они должны ткань соткать, раскроить, сшить. Грубо, негрубо — они сшили. Совершили. Либеральная же партия — это только пуговицы иначе пришить, в другом месте; иная строчка по готовому уже костюму; может, отвороты на брюках сделать, которых прежде не было. То есть это модификация экономики и страны. Вне любых восстаний и революций. Либерализм — это, как человек в пору своей зрелости: 35—50 лет. Он уже получил образование, у него есть достаток, профессия и проч., сложился распорядок дня, круг общения; теперь осталось только шлифовать достигнутое. После 50 лет — уже консерватизм, вызывает страх даже легкая шлифовка сложившейся жизни. Но и до 35 — не то: там еще экстремизм не преодолен. Либерализм несовместим с «первой бороздой», с «красным директором» и т.д. Поскольку у нас в России сегодня снова «роды», период радикальных, а не косметических только перемен — либерализм в чистом виде пока невозможен. И ЛДПР вполне отдает себе в этом отчет.

Ю.К.: И последний вопрос, Владимир Вольфович. Как Вы видите сегодня, 15 марта, будущее России? Например, до конца этого года?

В.Ж.: Здесь самый бы лучший вариант — это проведение досрочных выборов президента, это назначение досрочных выборов парламента. Допустим, президента избрать в июне—июле, а парламент — в ноябре—декабре. Это самый лучший вариант, потому что решаются сразу все проблемы. Плебисцит ничего не может дать реального: как определить, что действительно опрошено было 60 млн. человек? Одно дело, когда были участковые комиссии и можно было знать, что у нас 100 млн. избирателей и явилось 80. А когда плебисцит — это опрос: здесь опрашивали, а там не опрашивали. Как мы определим, сколько людей приняло участие? Можно создать любые списки опрошенных. Потом это не показатель: может меняться ситуация. Плебисцит будет долго идти, а референдум — в один день. Плебисцит может растянуться на некоторое время. В общем, это все не будет отражать нашу ситуацию. И, наверное, в целом сегодня не нужны никакие референдумы, никакие плебисциты.

Может быть, действительно просто провести досрочные выборы. Очередной съезд депутатов может еще раз объявить импичмент или вообще убрать институт президентства из Конституции. Лучший вариант — объявить досрочные президентские выборы. Нынешний Президент участвует в этих выборах на общих основаниях. В случае проигрыша морально ему будет легче: ему не объявили импичмент, не убрали институт президентства и т.д. Сейчас по инициативе Президента не может быть введено чрезвычайное положение, так как у него нет достаточной опоры в армии, службе безопасности, МВД. Вот один сценарий. Может быть, конечно, вариант, что Президент просто уходит в отставку, а его обязанности будет исполнять нынешний вице-президент. Наихудший сценарий — переход всей полноты власти к парламенту и ликвидация института президентства. Это плохо, потому что сегодня России нужна сильная авторитарная власть, оперативно принимающая решения и быстро их выполняющая. Процедура же принятия решения на съезде практически исключает оперативность: созыв депутатов, длительное голосование, отправка документа в комиссию и проч. Сегодня адекватна нашим условиям только президентская республика.

Ю.К.: Владимир Вольфович, большое спасибо за беседу.